

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Г. Н. КАРАЕВ

СУВОРОВСКАЯ
„НАУКА ПОБЕЖДАТЬ“
В СВЕТЕ ПЕРЕДОВОЙ СОВЕТСКОЙ
ВОЕННОЙ НАУКИ

ЛЕНИНГРАД

1950

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Г. Н. КАРАЕВ

СУВОРОВСКАЯ
„НАУКА ПОБЕЖДАТЬ“
В СВЕТЕ ПЕРЕДОВОЙ СОВЕТСКОЙ
ВОЕННОЙ НАУКИ

*Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Ленинграде
в 1950 г.*

*Старым бумажным книгам –
Новую «электронную» жизнь!*

**DjVu – библиотека сайта
www.biografia.ru**

Л Е Н И Н Г Р А Д
1950

Исполнилось сто пятьдесят лет с того момента, как перестало биться сердце великого русского полководца Александра Васильевича Суворова, автора замечательной инструкции-памятки по воспитанию и обучению войск, названной им «Наукой побеждать». Суворов ярко выразил огромную

Инструкция, в которой Суворов ярко выразил огромную силу своего полководческого таланта, является ценнейшим вкладом в сокровищницу русского военного искусства. Нанося сокрушительный удар порочным основам прусской военной школы и ее бездарным последователям, суворовская «Наука побеждать» продемонстрировала передовой, глубоко прогрессивный характер русской военной мысли.

Значение «Науки побеждать» вышло далеко за пределы той эпохи, в которую жил и работал Александр Васильевич Суворов. Целый ряд ее положений не утратил своей жизненности и по сегодняшний день.

и по сегодняшний день.

В 1918 году, во время вооруженного нападения на нашу страну белогвардейцев и иностранных интервентов, когда Ленин и Сталин создавали вооруженные силы молодого социалистического государства — Красную Армию и Военно-Морской флот, Военный отдел ВЦИК издал служебную книжку красноармейца, в которую был включен целый ряд положений суворовской «Науки побеждать».

Суворовские правила приведены там под тем же заголовком «Наука побеждать» и изложены в виде десяти правил-лозунгов:

1. Солдату надлежит быть здоровому, храброму, твердому и правдивому.
 2. Всякий воин должен понимать свой маневр.
 3. Тяжело в учении — легко в походе; легко в учении — тяжело в походе.

4. Стреляй редко — да метко, штыком коли крепко.
5. Где пройдет олень, там пройдет и солдат.
6. Граждан Республики не обижай. Солдат не разбойник.
7. Три военных искусства: первое — глазомер; второе — быстрота; третье — натиск.
8. Учение — свет, неученье — тьма; дело мастера боится.
9. Послушание, обучение, дисциплина, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость — победа.
10. Негоден тут солдат, кто отвечает: «не могу знать», проклятое «не могу знать»; от «немогузпайки» много-много беды».

Правила-лозунги о воспитании и обучении солдата были опубликованы с сохранением почти дословного текста А. В. Суворова и подверглись лишь некоторым редакционным изменениям, вызываемым особенностями нашей Советской Армии, как армии социалистического государства.

Создавая в годы гражданской войны вооруженные силы первого в мире социалистического государства, закладывая основы нашей советской военной науки, как науки новой эпохи, Ленин и Сталин брали все лучшее, что могла дать деятельность полководцев прошлого, развивали и обогащали ее и, вместе с новыми формами и приемами ведения боя, операции и войны в целом, включали в советское военное искусство.

В дни Великой Отечественной войны, когда немецко-фашистские войска рвались к нашей древней столице Москве, великий Сталин, обращаясь 7 ноября 1941 года к советским воинам и призывая их к защите советской Отчизны, упомянул и имя А. В. Суворова. Товарищ Сталин говорил:

«Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы будете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

В этих словах великого вождя нашло свое прекрасное выражение то глубокое уважение, которое питает весь совет-

ский народ к мужественному образу и светлой памяти Александра Васильевича Суворова.

Замечательным свидетельством этого уважения к памяти А. В. Суворова следует считать и Указ Советского правительства от 29 июня 1942 года об учреждении ордена Суворова, которым советские воины награждаются за выдающиеся боевые подвиги. Статут ордена Суворова предусматривает награждение тех генералов и офицеров Советской Армии, которые с меньшими силами достигнут разгрома численно превосходящего противника; сумеют искусно осуществить маневр по окружению численно превосходящих сил врага и полностью их уничтожить; путем искусно и скрытно проведенной операции добываются разгрома врага; осуществляют прорыв обороны противника и его развитие, в результате чего враг окажется разгромлен и уничтожен. В годы Великой Отечественной войны орден Суворова украсил грудь многих тысяч генералов и офицеров нашей Советской Армии, своими подвигами доказавших свое воинское искусство и преданность нашей прекрасной советской Родине.

К числу мероприятий советского правительства, направленных к сохранению начал суворовского воспитания и обучения войск в рядах наших Вооруженных Сил, следует отнести и систему военных средних учебных заведений, которым присвоено наименование суворовских военных училищ.

Как известно, А. В. Суворов был горячим патриотом своей Родины. «Доброе имя должно быть у каждого честного человека,— писал он А. И. Бибикову,— лично я видел это доброе имя в славе своего отечества; мои успехи имели исключительной целью сего благоустройство».

Восстановление Суворовского музея, квартиры-музея, где скончался А. В. Суворов, и его могилы в Ленинграде, целого ряда местных музеев в Измаиле, Тульчине, Кобрине, селе Кончанском и других местах, связанных с его славной полководческой деятельностью, вместе с установлением памятников великому русскому полководцу в Ленинграде, Новой Ладоге, селе Суворово, Измаиле, селе Кончанском и т. д., служат выражением глубокого уважения советских людей к памяти об Александре Васильевиче Суворове, вся жизнь и деятельность которого являются высоким примером служения своей Родине.

* * *

*

Полководцы и военные теоретики прошлого не раз пытались найти закономерности, лежащие в основе явлений войны. Эти попытки, однако, каждый раз оканчивались неудачей. Не понимая законов общественного развития, принимая, в силу идеалистического подхода к явлениям, внешнее проявление за внутреннюю их сущность, военные теоретики оказывались бессильными раскрыть лежащие в их основе движущие силы и свойственные им диалектическое развитие и взаимосвязь.

В силу этого, многие военные деятели Западной Европы вообще отрицали возможность какой-либо закономерности в развитии явлений войны. Так, например, современник А. В. Суворова Наполеон утверждал, что на войне господствует случай и именно он влияет на ход и исход боевых действий. «На войне случайности повелевают», — говорил он. Ту же порочную позицию занимал немецкий военный теоретик мануфактурного периода войны Клаузевиц, проповедовавший, что «война область недостоверного, война область случайностей».

Заслуживает быть отмеченным, что через сто лет, в условиях империализма, буржуазная военная мысль Западной Европы не только не отказалась от подобных утверждений, но пошла еще дальше. Так, генерал Жоффр, французский главнокомандующий в годы первой мировой войны 1914—18 гг., выражая лженаучные пути развития военной мысли в условиях машинного периода войны, объявил, что полководец, принимая решение, должен руководствоваться «интуицией», т. е. своими личными предчувствиями.

Другие представители буржуазной военной мысли в лице Плюиссюра, Ллойда, Виллизена, Леера и т. д. впадали в другую крайность. Они утверждали, что, несмотря на разнообразие условий обстановки, в которой приходилось в разные эпохи действовать войскам, «наряду с этим разнообразием, существуют известные неизменные законы и правила ведения войны для всех времен и всех народов». ¹

Сторонник этих антинаучных взглядов в России, царский генерал Лсер, много лет руководивший русской академией генерального штаба, работая перед иностранными «авторитетами», объявил, вслед за французским военным писателем Жомини, что последнее слово в развитии военного искусства сказал Наполеон, установивший, якобы, вечные и неизменные

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона, т. VI-A, изд. 1892 г., стр. 847.

законы войны. Следуя этим порочным установкам, Леер и его последователи пытались наполеоновские положения тактики и стратегии применять не только в XIX столетии, но даже и в начале XX столетия.

«... История выясняет,— писал один из единомышленников Леера, военный историк Михневич,— что основные положения военного искусства (принципы) во все эпохи были одни и те же, только применение их изменялось, в зависимости от тех разнообразных условий, которыми было обставлено данное решение».¹

Превознося вслед за Жомини и Леером полководческий талант Наполеона, Михневич доказывал, что его тактическое искусство «...представляет высочайший образец творчества; впервые на полях сражений новых народов проведен во всей цельности принцип частной победы, установленный за 2000 лет назад Эпамиондом и во всем величии примененный Александром Македонским. Тактика Наполеона ближе всего подходит к тактике великого завоевателя древнего мира — Александра».²

Михневич не случайно закончил свой труд по истории военного искусства рассмотрением полководческой деятельности Наполеона: он считал, что после этого уже не может быть ничего нового в этой области. Находясь на пороге машинного периода войны, он не видел, что формы и приемы мануфактурного периода войны, в условиях которого действовал Наполеон, безвозвратно отжили свой век. Лженаучность подобного подхода к явлениям войны усугублялась тем обстоятельством, что, будучи ослеплены идеалистическим и метафизическим пониманием этих явлений, военные деятели и теоретики прошлого обычно доказывали, что проблему ведения войны следует разрешать, ограничивая ее лишь военными вопросами, т. е. в отрыве от экономических и моральных возможностей страны. Этим они суживали круг вопросов, рассматриваемых военной наукой, что приводило к знаку равенства между объемом буржуазной военной науки и рамками военного искусства.

Определяя понятие военной науки, «Военная энциклопедия», например, указывала: «каждая область человеческого творчества проходит фазис бессознательного искусства и в конце

¹ Н. П. Михневич, История военного искусства с древнейших времен до начала XIX века, 1895 г., стр. 7.

² Там же, стр. 507.

приходит к искусству рациональному, имеющему достаточно обоснованную науку (принципы, правила, формы, нормы и т. п.). Великие мастера военного дела так и смотрели на войну и в их изречениях и оставленных образцах творчества мы находим материалы для построения рациональной теории искусства ведения войны. Отыскание этой теории составляет задачу высшей военной науки — стратегии или науки полководца».¹

Из этого определения военной науки видно, прежде всего, что в его основе лежит не изучение законов общественного развития, обеспечивающее единственно верное научное понимание действительной сущности войны, а эмпирически взятые «образцы творчества» полководцев прошлого. Из него видно далее, что авторы этого определения сводили «задачу высшей военной науки» к стратегии, вопросы которой, как мы знаем, наряду с тактикой и оперативным искусством, входят в состав военного искусства и отнюдь не исчерпывают содержание военной науки.

Само собой разумеется, что наряду с другими факторами, влияющими на развитие военного искусства, отсутствие научной основы в вопросах понимания явлений войны не могло не сказаться на тактике и стратегии вооруженных сил дворянско-крепостнических государств XVIII столетия.

Армии Западной Европы представляли громоздкую организацию, они имели несовершенное оружие с плохими тактико-стрелковыми показателями; комплектовались на основе наемно-вербовочной системы, в результате чего войска отличались низкими моральными качествами; тылы были непомерно велики, плохо организованы и лишали войска свободы полевого маневра. Повсеместное распространение получила в этих условиях так называемая кордонная стратегия. Она сложилась, в основном, в результате стремления командующих армиями избегать широкого полевого маневра и сражения с решительной целью. Вместо этого вдоль границ строились крепости с большими, заблаговременно сосредоточенными в них, продовольственными запасами. При этом военное значение такого кордона крепостей переоценивалось. Оборонительные тенденции стали господствовать над наступательными. Воздействие на коммуникации противника предпочиталось решительному сражению. В области тактики господствовал шаблон. В тех случаях, когда происходили сражения, войска применяли ли-

¹ Военная энциклопедия, 1912 г., т. VI, стр. 578.

нейные боевые порядки, исключавшие возможность маневрирования на поле боя. Залповый огонь и последующая лобовая атака пехоты составляли основу линейной тактики.

Во главе этих порочных взглядов на формы и приемы ведения войны и боя стояла прусская военная школа. Она достигла своего наибольшего развития при прусском короле Фридрихе II, который ввел так называемый «косой» боевой порядок. Это означало последний этап вырождения линейной тактики, приведшей, как известно, Пруссию и ее армию к разгрому под Кунерсдорфом в 1759 году и вступлению русских войск в Берлин в 1760 году, а в дальнейшем к позорному двойному поражению в 1806 году под Иеной и Ауэрштедтом.

Таковы те главнейшие течения и взгляды, которые господствовали среди военных деятелей и теоретиков в вопросах теории и практики военного дела во второй половине XVIII столетия. Их порочные, идеалистические в своем существе, положения определялись во времена А. В. Суворова абсолютистско-феодальным общественным и государственным строем, господствовавшей в Европе реакционной идеологией и политикой господствующих классов дворянско-крепостнических монархий, на смену которым надвигался капиталистический уклад.

Суворов, деятельность которого протекала в этих условиях, был также далек от мысли подвести под те или иные вопросы военного искусства научное обоснование. Как и другие, современные ему, военные деятели, он не владел методом научного исследования для познания закономерностей войны. Тем не менее, благодаря острому уму и наблюдательности, он сумел, на основе большого личного опыта, обнаружить в своей практической деятельности некоторые элементы этих закономерностей и, опираясь на них, высказать ряд прогрессивных военно-теоретических положений, обобщенных им в «Науке побеждать».

Следуя традициям, заложенным в русской армии Петром I, Румянцевым и рядом других передовых русских военных деятелей, умножая и развивая эти традиции, А. В. Суворов поднял на исключительную высоту воспитание и обучение войск. Безраздельно господствовавшей в то время прусской системе боевой подготовки войск, покоившейся на беспросветной муштре, механической исполнительности и жестоких телесных наказаниях, направленных к тому, чтобы превратить солдата в «простой механизм, артикулом предусмотренный», Суворов противопоставил разумное обучение войск, выдвинув

неслыханное для того времени, но глубоко прогрессивное требование, что «каждый воин должен понимать свой маневр».

Сам Суворов отлично видел решающее превосходство своей системы боевой подготовки войск над прусской. «Русские прусских всегда бивали», — не раз повторял он. «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, и я не пруссак, а природный руссак», — говорил Суворов, остро подчеркивая непригодность прусской неудобной формы одежды для обстановки военного времени. Наоборот, у Суворова все было направлено к тому, чтобы облегчить войскам походную жизнь и, вместе с тем, обеспечить им высокую боеспособность. Воспитание солдат в духе любви к своей родине, собственного достоинства и храбрости сообщало войскам, которыми командовал Суворов, высокие моральные качества, а в соединении с обучением передовым приемам ведения боя, делало их способными к осуществлению таких боевых задач, которые для других армий того времени считались заведомо невыполнимыми.

Сила суворовской системы воинского воспитания и обучения заключалась в том, что центральное место в ней занимал солдат — человек, который обучался всему тому, что могла потребовать от него обстановка на войне. Вместо плац-парадной шагистики и муштры в обучении войск и проповедования в военном искусстве значения таких привходящих моментов, как случайность, внезапность и т. п., что широко применялось в Западной Европе и, в первую очередь, в прусской армии, А. В. Суворов своей системой боевой подготовки укреплял и развивал в войсках такие решающие исход сражений и войны в целом начала, как моральный дух армии, качество, а когда было возможным, то и количество дивизий, боевые качества командного состава. Все это получило яркое выражение в суворовской «Науке побеждать», которой принадлежит выдающееся место среди военных произведений не только XVIII, но и XIX столетий.

Несмотря на то, что Суворов далеко не всегда имел возможность обеспечить в своей полководческой деятельности указанные постоянно действующие факторы с нужной полнотой, оставленные им блестящие образцы руководства войсками и военно-теоретические положения явились замечательным вкладом в русское и мировое военное искусство. Блестящие победы под Ланцкороной и Столовичами (1769), Туртукаем и Гирсовым (1773), под Кинбурном (1787), при Фокшанах и на Рымнике (1789), легендарный штурм Измаила (1790), разгром

французских армий Моро, Макдональда и Жубера в северной Италии, последовавший вслед за тем героический переход через Альпы, «в котором,— как указывал Энгельс,— по образному и сильному выражению этого старика-солдата (т. е. Суворова — Г. К.), «русский штык прорвался сквозь Альпы», создали Суворову мировую известность, покрыли неувядаемой славой русское оружие. Александр Васильевич Суворов продемонстрировал в них не только самостоятельные пути, которыми шло развитие русского военного искусства во второй половине XVIII столетия, но и его передовой характер и решительное превосходство по сравнению с армиями государств Западной Европы.

Несмотря на крупнейшие заслуги в деле развития русского и мирового военного искусства, Суворов и его система воспитания и обучения войск не получили надлежащего признания ни в России, ни за границей. Будучи на целую голову выше своих современников, он вызывал по отношению к себе самые различные мнения. Суворов сам хорошо знал это. Как он сам говорил, его «хвалили, любили, ему удивлялись, его ругали, над ним смеялись, но не понимали». Происходило это вследствие того, что прогрессивные взгляды Суворова, как и вся его система воспитания и обучения войск, находились в резком противоречии с реакционной сущностью военных систем русского самодержавия и крупнейших государств Западной Европы.

В царской России, кроме того, это являлось ярким выражением недостойного преклонения правящих кругов перед незаслуженно раздутыми и ложными иностранными авторитетами. В то время как в числе военных деятелей прошлого постоянно приводились имена французского короля Генриха IV, шведского короля Густава-Адольфа, французского короля Людовика XIV, инженера Вобана, принца Оранского, Евгения Савойского, прусского короля Фридриха II, Наполеона, а в качестве основоположников военной науки усиленно рекомендовались такие лжеавторитеты, как Жомини, Клаузевиц, Бюлов, Рюстов, имя А. В. Суворова оставалось в тени и его наследие как следует не изучалось.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции явилась широкая возможность действительно научного исследования полководческой деятельности А. В. Суворова, чтобы вернуть ему то выдающееся место, которое он по справедливости занимает в истории развития русского и мирового военного искусства.

До настоящего времени не найдены архивные материалы, которые позволили бы установить точно, когда именно была написана А. В. Суворовым инструкция-памятка, получившая после его смерти название «Наука побеждать». Известно лишь, что создана она им на основе многолетнего опыта, начиная со времени командования Сузdalским полком в Новой Ладоге в 1763—1768 гг. и кончая ее введением в качестве официального руководства по воспитанию и обучению войск в Тульчинском лагере в 1796 году. Таким образом, в основе этого замечательного памятника русского военного искусства второй половины XVIII столетия лежит более чем тридцатилетний опыт великого полководца.

Свои взгляды на воспитание и обучение войск А. В. Суворов изложил первоначально в наставлении, написанном им в зиму 1764—65 гг. и известном под названием «Полковое учреждение».

Это наставление, составленное А. В. Суворовым почти непосредственно после возвращения с Семилетней войны 1756—1763 гг., является документом большой важности, так как освещает не только взгляды Суворова, относящиеся к этому периоду, но и состояние русской армии того времени. Суворов вложил в него свой первый боевой опыт. Он высказывает в нем взгляды, которые свидетельствуют о передовом характере русского военного искусства, о его превосходстве над хваленой прусской школой Фридриха II.

Вернувшись с Семилетней войны, во время которой он участвовал в ряде боев с пруссаками и в занятии немецкой столицы Берлина (1760), Суворов, со своим живым умом и наблюдательностью, не мог не видеть всю непригодность для войны насаждавшихся правящими кругами России прусских порядков, с их тупым рутинерством и бездушным отношением к солдату.

Он видел, что искусственное внедрение слепой исполнительности и изиуряющей плац-парадной муштры приводят к вредному подавлению лучших боевых качеств русского солдата. Он видел, как унизительное раболепие перед иностранными и, в первую очередь, прусскими лжеавторитетами приводило в России к насаждению чуждых историческим традициям русского военного искусства порядков в армии, к ослаблению русской армии, к упадку русского военного искусства. Это

было для Суворова тем более нетерпимым, что, участвуя в сражениях Семилетней войны под командованием одного из сподвижников Петра I и продолжателя его традиций в основном искусстве фельдмаршала Салтыкова, он наглядно видел решительное превосходство русской армии над прусской. Разгром пруссаков под Кунерсдорфом (1759), сопровождавшийся катастрофическим бегством немецких войск, и другие победоносные действия русских войск неопровержимо доказывали порочную бездарность культивированной Фридрихом II системы воспитания и обучения войск.

После возвращения в Россию, вся деятельность Суворова представляет собой страстный протест против сохранения в русских войсках мертвых форм иноземной линейной тактики во Фридриховском ее издании, против обезличения солдата муштрай и палочной дисциплиной, против всей той вредной плац-парадной миштуры, с помощью которой правящие круги России во главе с Петром III пытались опружить русскую армию. В этой своей деятельности Суворов направляет усилия к тому, чтобы найти такие способы воспитания и обучения войск, которые бы наиболее полно соответствовали системе комплектования и составу русской армии, как армии национальной, комплектованной, в отличие от наемно-вербовочных армий Западной Европы, на началах воинской повинности.

«Полковое учреждение» составленное Суворовым после возвращения с Семилетней войны, выражает, таким образом, те взгляды полководца, те его выводы, которые он вынес непосредственно из участия в этой войне.

Закономерным следует считать то обстоятельство, что при составлении «Полкового учреждения» Суворов сохранил преемственность тех прогрессивных взглядов, которые за полвека перед тем высказал в своем «Уставе воинском» (1716) Петр I. Высказанное Петром I положение о том, что в «уставе порядки писаны, а времен и случаев нет» и «не держись устава, как слепой стены», явилось для Суворова той исходной основой, которая пронизывает всю созданную им систему воинского воспитания и обучения. Целый ряд положений, вошедших в «Полковое учреждение», продолжают и развиваются петровские положения «Устава воинского», имеют с ними тесную идейную связь.

Одним из важнейших требований «Устава воинского» было, чтобы «всякий», т. е. офицер и рядовой, «узнал свою должность и обязан был своим званием, и неведением не отго-

вариваться». Того же требовал от офицеров и Суворов. Говоря об обучении солдат, он указывает, что «господам обер-офицерам должно оную весьма знать и уметь показать»

«Устав воинский» указывал, что, наряду с отеческой заботой о подчиненных, старший начальник должен быть требовательным, за ослушание наказывать, но быть справедливым. «Ничто так людей ко злу не приводит,— писалось в Уставе,— как слабая команда, которой пример суть дети, в воле, без страха и наказания взращенные, которые обыкновенно в беды впадают... Тако и в войсках командующий суть отцом оных, которых надлежит любить, снабдевать, а за прегрешения наказывать. А когда послабит, то тем по времени вне послушания оных приведет и из добрых злых сочинит и нерадетельных и своем звании оплощных». В свою очредь, Суворов, излагая обязанности ротного командира, указывал, что «ротный командир, яко глава роты... к своим подчиненным имеет истинную любовь, печется о их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всем, что до их должности принадлежащем».

Требуя воспитывать подчиненных на началах личной инициативы, собственного достоинства и воинской гордости, «Устав воинский» указывал, что «бесконфузство (т. е. уверенность в себе, самообладание, храбрость—Г. К.) всему магъ есть... ибо кто его не блудет, тот всегда бесприкословение потеряет», и что «бесконфузство едино войска возвышаest». Со своей стороны Суворов в «Полковом учреждении» указывал на необходимость достигнуть того, чтобы «всякий при всяком случае будет бодр, смел, мужествен и на себя надежен». Необходимым качеством военнослужащего он считал «подчинение без униженности».

В заключительной части «Учреждения» Суворов пишет: «не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешенное с оною военное искусство».

Продолжая и развивая петровские основы воинского воспитания и обучения, Суворов следовал, вместе с тем, примеру галантливого русского полководца фельдмаршала П. А. Румянцева (1725—1796), которого он не раз называл своим учителем.

Являясь продолжателем заложенных Петром I воинских традиций в вопросах строительства русской регулярной армии, Румянцев проявил себя, как известно, решительным противником прусской палочной дисциплины, превращавшей солдата

в слепого исполнителя, лишенного всякой личной инициативы. Будучи очень требователен к своим подчиненным, он был в то же время по отношению к ним справедлив и заботлив. В «Инструкции ротным командирам», написанной по его указанию, офицеру вменялось в обязанность знать по имени и фамилии всех солдат своего подразделения, их семейное положение и нужды, постоянно заботиться о них. Он требовал, чтобы не было упражнения солдата, пресекал произвол и самоуправство начальников. Начальник должен был во всем являться примером для своих подчиненных.

Опираясь на введенную им систему воспитания и обучения, П. А. Румянцев первый стал применять новые боевые порядки, позволявшие расчленять линейное построение войск на самостоятельные тактические единицы — каре и колонны. Это открывало широкую дорогу полевому маневру, способствовало развитию взаимодействия между родами войск.

В «Мыслях о военном искусстве» и в «Обряде службы» Румянцев высказал передовые для своего времени взгляды. Заслуживает быть отмеченным, что, говоря о военном искусстве, он указывает, что оно не должно «слепо ступать по следам счастья», и что «к бою нужно не одно стремление, но и приучение», т. е. постоянное самоусовершенствование.

Нечего и говорить, как горячо воспринял молодой Суворов эти прогрессивные взгляды Румянцева. Он не только применяет их в своей деятельности, но блестяще развивает, и выступает вскоре как смелый новатор-преобразователь. Так же, как и у Румянцева, все усилия Суворова направлены, при этом, к возрождению русской армии после той полосы упадка, которая, как известно, была тесно связана с немецким засильем в правящих кругах России после смерти Петра I.

Среди других суворовских положений, включенных в «Полковое учреждение», необходимо остановиться на подробно изложенной в нем методике воинского обучения, не утратившей своего значения и по сегодняшний день. В указаниях великого полководца отчетливо видна забота о том, чтобы обучение достигало сознательного усвоения всего того, что следует знать и уметь делать войну. В этом, как и в других вопросах, Суворов смело ломал рогатки прусской системы, противопоставляя бездушной палочной «методике» разумные, глубоко продуманные прогрессивные указания о том, как надо обучать солдата.

Суворов требовал в обучении, прежде всего, целесообразной последовательности. Во всех видах боевой подготовки

войск обучение должно было проводиться от простого к сложному, от более легкого к более трудному. Так, например, в отношении обучения строю прибывающих в полк рекрутов «Полковое учреждение» указывало, что «новоопределеных рекрут обучать способы движению ног, надлежит обучать действию рук, прежде приемов по-одиночке, по-шестакам, большую шерснгою и целою командою в три шеренги. Счет между темпами сперва одиннадцать, потом девять, напоследок семь...»

Последовательный ход учебного процесса слагался из показа, повторения и контроля.

Офицерам, вменялось в обязанность, чтобы они могли «уметь показать, дабы, убегая праздности, подчиненных своих в падлежащее время и часы, чтобы ее не забывали, в ней свидетельствовать и без изнурения подробно обучать могли...». Однажды пройденное следовало в дальнейшем повторять «без изнурения». Так, например, в вопросах караульной службы Суворов требовал: «все, что рядовому на карауле исполнить должно, часто им подтверживать, дабы свою должность не забывали». От старшего начальника требовался постоянный контроль за тем, как его подчиненные усваивают все то, что обязаны знать. Контроль должен был осуществляться не только при обучении, но и во всех видах службы и боевой деятельности войск — в карауле, на учениях, во время маневров.

Изучение суворовской методики обучения войск, заключенной в «Полковом учреждении», в соединении с глубоко человечным, но в то же время строгим отношением к солдату, раскрывает перед нами замечательную школу боевой подготовки великого русского полководца, его систему воспитания и обучения войск, которая возрождала в русской армии самые лучшие военные традиции и создавала предпосылки к одержанию новых побед.

Суворов никогда не довольствовался достигнутым. Указывая своим подчиненным, что победа завоевывается не одной только храбростью, но и соединенным с нею военным искусством, он говорит: «чего ради не должно ли пещися единажды в нем полученное знание не токмо содержать в незабвении памяти, но к тому ежедневными опытами нечто присовокуплять».

«Полковое учреждение» представляет собой не только наставление по воспитанию и обучению войск. К нему приложен и целый ряд справочных данных о правах и обязанностях

начальников, о штатах полка, сведения о вооружении, про-
вианте, имуществе, о денежном содержании личного состава
и т. д. «Полковое учреждение» представляло собой, таким
образом, служебное руководство для офицеров и сержантов,
направленное к тому, чтобы достигнуть единства в их слу-
жебной деятельности.

«Учреждение сие служит к согласному знанию общей долж-
ности и каждого особо,— писал Суворов.— Оно его за-
тврждением ничью память (не) отяготит, а исполнением его
пунктов ничью должность в излишнее попечение о ее испра-
влении привесть не может».

Таково в основном это замечательное руководство, на
страницах которого Суворов впервые высказал свои военные
взгляды.

* * *

О том, как смотрел Суворов на вопросы боевой подготовки
войск в последующие годы, мы можем судить по дошедшим
до нас его приказам и письмам. Из них можно видеть, что
Суворов на протяжении целого ряда лет продолжал приме-
нять разработанную в «Полковом учреждении» систему воин-
ского воспитания и обучения. В письме ген. Веймарну от
3 марта 1771 года Суворов писал: «по данному в полк моему
учреждению, экзерцирование мое было не на караул, на
плечо, но прежде повороты, потом различное марширование,
и потом уже приемы, скорой заряд и конец — удар штыком...»

Суворов все больше и больше накапливает боевой опыт
руководства войсками, воспитанными и обученными по соз-
данной им системе. В его приказах излагаются новые приемы
построения войск и ведения боя. В приказе от 25 июня 1771 го-
да говорится: «...хотя храбрость, бодрость и мужество всюду
и при всех случаях потребны, только тщетны они, ежели не
будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаний
(т. е. от накопления опыта.— Г. К.)».

Большого интереса заслуживают приказы Суворова, содер-
жащие требование от войск гибкой тактики, применительно к
характеру театра военных действий, на котором предстоит
сражаться, и особенностям противника.

Так, имея в виду необходимость действовать против под-
вижной и многочисленной турецкой конницы, Суворов тре-
бует, чтобы полковые командиры «приступя к формированию
колонн плутоножных (и) полудивизионных, обучать колонны

твёрдым и весьма поспешным движениям, маршам и обращениям во все стороны, иногда со отстрелкой наезжающих или набегающих варваров,— наступательно, с воображением и истолкованием одоления препятствий многообразного различия местоположения... Все сии атаки чинить с резервами, а резервы — целые роты; сии резервы и место занимают и ходят сами атаковать вправо ли или влево... В поле варвары побеждаются: страшными им пехотными кареями, исходящими из него картечами и мелкою пальбою... Каре действует наступательно, как бы трудно местоположение ни было..., и оборонительно — по петверности и неприсутствию духа начальствующего...» (1774).

В том же приказе Суворов требовал быстроты перестроений. «Господам пехотным полковым командирам,— говорилось в нем,— к сим кареям весьма полки приучать ко строению их: одно из линейного фронта, то есть с места; другое в движении из колонны. Наирасторопно должно быть сие построение и форсирование, потом снова оного во фронт или колонну...»

В поисках наиболее гибких маневренных боевых порядков, которые бы в то же самое время обладали большой силой удара, Суворов, вслед за Румянцевым, еще в 1773 году под Турутаем (на двадцать лет раньше Наполеона!) применил для наступления колонны, прикрытые с фронта цепями егерей. По поводу применения колонн, он писал: «...колонны, ежели одарены твердостию и мужеством, паче начальствующих ее частями, кругом фронт, опусти штык по офицерскому, непроницаемо никакою кавалерию... Колонна та гибче всех построений, быстра в ее движении; ежели без остановки, то все пробивает» (1778).

Насколько русское военное искусство опережало в этом отношении западноевропейское, можно судить по тому, что французы применили колонны для атаки только в 1792 году, в сражении при Жемаппе, австрийцы остались верными линейной тактике до Аустерлица (1805), пруссаки пытались применить отжившие фридриховские боевые порядки в 1806 году под Иеной и Ауэрштедтом, за что и были разбиты. Самыми отсталыми оказались англичане,— английские войска применяли линейные боевые порядки даже в 1815 году в сражении под Ватерлоо.

В отличие от многих своих современников, в том числе и Наполеона, отводивших главенствующую роль на войне случайностям, Суворов искусно соединял стремительную быстроту маневра с большой предусмотрительностью, с тщательной

продуманностью предпринимаемых действий. В своем наставлении А. Карабаю он писал: «Достоинства военные суть: для солдата отвага, для офицера смелость, для генерала доблесть, руководствуемые начальниками порядка и дисциплины, управляемые бдительностью и предусмотрительностью...» (1793). А в письме к П. Скрипицыну он так характеризовал действия полководца: «...В день сражения или в походе он (т. е. полководец.—Г. К.) все полагает на весы, все обдумывает... он никогда не увлекается стечением обстоятельств, но подчиняет их себе, действуя всегда по правилам своей неусыпной прозорливости» (1794—1795), т. е. захватывая в свои руки инициативу и подчиняя себе волю противника.

В противовес прусской школе Фридриха II, требовавшей от подчиненных слепой исполнительности, Суворов всячески воспитывал и развивал в офицерах и солдатах сообразительность, находчивость, смелую инициативу, когда того требовала изменившаяся обстановка. Известно, как нетерпимо относился Суворов к «немогузнайкам», в глупо шаблонных ответах которых находила свое выражение порочная прусская система воспитания солдата. «...Если кто теряется от одного слова, то на что же он будет годен при неожиданной неприятельской атаке»,— говорил не раз Александр Васильевич.

В этом отношении исключительно интересен приказ Суворова, отданный им перед атакой турецких укреплений под Туртукаем в 1773 г. «Сия есть генеральная диспозиция атаки, а подробности зависят от обстоятельств, разума, искусства, храбрости и твердости господ командующих».

Еще глубже развивал эти свои взгляды Суворов во время итальянского похода 1799 года. В приказе по войскам соединенной армии, отданном в г. Валеджио, он указывал: «Не довольно, чтобы одни главные начальники извещены были о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того, даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр».

Суворов допускал даже, чтобы подчиненные возражали старшему начальнику, но требовал, чтобы это делалось «с должною благопристойностью, особа на особу» (т. е. с глазу на глаз.—Г. К.).

Высокая сознательность войск в понимании ими предпринимаемых боевых действий, не только предполагающая, но и

обязывающая их к личной инициативе в зависимости от условий обстановки, могла иметь место лишь на основе суворовской школы воспитания и обучения личного состава. Это было как бы конечным развитием того первоначального требования, которое Суворов предъявил еще в «Полковом учреждении» к солдату: «...Содержать себя во всегдашней исправности, наблюдать свою должность в тонкость, жертвовать мнимым леностным успокоением истинному успокоению духа, состоящему в трудолюбивой охоте к военной службе, и заслужить тем себе бессмертную славу».

Таков длиный, почти тридцатилетний, творческий боевой путь Александра Васильевича Суворова, на протяжении которого он продолжал совершенствовать свою систему воспитания и обучения войск.

* * *

В 1796 году Суворов получил назначение командующим Юго-западной армии в Тульчине. Это назначение было связано с планами реакционных правящих кругов тогдашней России похода в Западную Европу для подавления республиканской Франции и восстановления в ней свергнутой французским народом королевской власти.

Подготовка войск производилась в Тульчинском лагере. Повидимому, именно в этот период, готовя войска к трудному и длительному походу, Суворов обобщил свой многолетний опыт воспитания и обучения войск и их победоносного вождения в целом ряде войн и изложил этот опыт в краткой инструкции-памятке, названной впоследствии «Наукой побеждать».

По своему объему «Наука побеждать» занимает всего около десятка страниц и представляет собой предельно краткий свод военных правил воспитания, обучения и поведения в бою, который каждый солдат мог легко выучить и знать наизусть. Это последнее облегчалось тем, что «Наука побеждать» была написана простым, доступным солдату языком и представляла собой сборник блестящих по форме и острых, легко запоминающихся по содержанию, исключительно целеустремленных правил, в которых «словам было тесно, а мыслям просторно». Подавляющее большинство этих правил было изложено в виде поговорок, что еще более облегчало их запоминание.

«Наука побеждать» состоит из двух частей: «Учение перед

разводом» и «Словесное поучение солдатам о знании для них необходимом».

Первая часть представляет краткие указания того, как производить полевое учение. Оно требует начинать с проверки подготовленности личного состава, его умения вести боевые действия, дисциплины, склонности подразделений, умения владеть оружием. Лишь после этого следует перейти к обучению ведения боя в составе подразделений и части в целом. Особенное внимание «Наука побеждать» уделяла наступлению. Суворов требовал тренировать войска в борьбе с подвижным противником — его конницей и резервами. «Учение перед разводом» требует проведения встречных сквозных атак против пехоты и конницы. «Ступай, ступай! В штыки! Ура! — Противная линия встречает (атаку) пальбою на сей последней дистанции, на 30 шагах ударит сама в штыки. С обеих сторон сквозная атака».

«Учение перед разводом» предусматривает при этом тренировку в производстве атак линией, т. е. широко развернутым фронтальным построением боевого порядка, кареями, при которых войска все время сохраняют возможность кругового отражения подвижного противника, и колоннами. Оно требует, кроме того, быстроты перестроения для гибкого перехода от одного боевого порядка к другому.

Подобный метод боевой подготовки войск, соединяемый с боевой стрельбой, не только приучал весь личный состав к активным действиям в бою, но и максимально приближал полевые учения к действительной боевой обстановке. «Солдат и в мирное время должен быть на войне», — указывал Суворов и тренировал свои войска именно в таких действиях, которые ставили их ближе всего к условиям военной действительности.

Вторая часть — «Словесное поучение солдатам о знании для них необходимом» — заключает в себе основы воинского воспитания и указания того, как следует вести бой в различной боевой обстановке.

Говоря о воинском воспитании и обучении войск, Суворов в кратких поговорках излагает свой основной взгляд — обучать следует только тому, что требуется в боевой обстановке: «Ученье — свет, неученье — тьма. Дело мастера боится. И крестьянин (коли) не умеет сохою владеть, (так) хлеб не родится». «Тяжело в ученьи — легко в походе; легко в ученьи — тяжело в походе». «Солдат ученье любит, было бы это с толком».

Метко высмеивает Суворов пороки, которых должен избегать воин: «Богатыри! Неприятель от Вас дрожит; да есть неприятель хуже богадельни: проклятая немогузнайка, намека, лживка, лукавка, краснословка, двуличка, вежливка, бестолковка...»

Особенно настойчиво изгонял Суворов «немогузнайство». Он постоянно задавал солдатам самые неожиданные вопросы и требовал быстрых ответов. Этим он развивал в них находчивость и природную смекалку. Рассказывают, например, такой случай: однажды вечером Суворов увидел солдата, который, стоя на часах, смотрел вверх в звездное небо. Незаметно приблизившись, Суворов спросил:

«Служивый! Сколько на небе звезд?»

«Пять миллионов, шестьсот двадцать три тысячи восемьсот тридцать одна», — быстро ответил не растерявшийся солдат.

«Неправда!» — возразил Суворов.

«Извольте, ваша светлость, счесть и проверить мои слова», — находчиво ответил солдат.

«Помилуй бог, молодец!» — вскричал довольный Суворов и наградил его.

Был, однако, случай, когда слова «не могу знать» доставили Суворову большое удовольствие. Однажды Суворов встретил молодого офицера, остановил его и спросил:

«Что такое ретирада (т. е. отступление). — Г. К.)?»

«Не могу знать», — спокойно ответил офицер.

«Как это так — не могу знать?» — рассердился Суворов.

«Не могу знать, ваше сиятельство, — повторил офицер, — в нашем полку это слово неизвестно. И я никогда не слыхал его.»

Это сразу привело Суворова в хорошее настроение.

«Славный полк! Славный полк!» — закричал он, рассмеявшись, и обратясь к окружавшим, сказал: «Никогда не думал, чтобы проклятый немогузнайка мог доставить мне такое удовольствия».

«Наука побеждать» заканчивается перечислением качеств, которыми должен обладать солдат: «Субординация (т. е. воинское повиновение старшему. — Г. К.), экзерциция (т. е. активное участие в учениях. — Г. К.), послушание, обучение, дисциплина, ордер воинский (т. е. воинский внутренний порядок в части. — Г. К.), чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа! Слава, слава, слава!» Если внимательно вдуматься в это суворовское положение, то нетрудно

убедиться, что оно глубоко продумано и составлено в той последовательности, в которой солдатом приобретаются соответствующие качества при его воспитании и обучении.

Основы воспитания и обучения войск, заложенные Суворовым в положениях «Науки побеждать», обеспечивали, даже в условиях тяжелого крепостнического режима тогдашней России, высокий моральный дух русской армии, ее неизмеримое превосходство над армиями Западной Европы, наемновербовочный состав которых, как известно, отличался низкими морально-политическими качествами.

«Словесное поучение солдатам о знании для них необходимом» заключает в себе также целый ряд указаний о том, как следует вести бой с противником. Указания эти проникнуты, как и вся «Наука побеждать», духом величайшей активности.

В рукопашном бою Суворов рекомендует сочетать штыковой удар с огнем. «Стреляй редко да метко. Штыком коли крепко». «Береги пулью в дуле. Трое наскочат: первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун». В атаке Суворов требует величайшей стремительности. «Фитиль на картечь — бросься на картечь: летит сверх головы. Пушки твои, люди твои. Вали на месте, гони, коли, остальным давай пощаду. Грех напрасно убивать: они такие же люди».

Той же стремительностью должен отличаться штурм вражеского укрепления: «Ломи через засеки, бросай плетни чрез волчьи ямы, быстро беги, прыгай чрез палисады, бросай фашину, спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки, очинцай колонны! Стреляй по головам! Колонны, лети чрез стены на вал, скалывай, на валу вытягивай линию, караул к пороховым погребам, отворяй вороты коннице! Неприятель бежит в город, его пушки обороти по нем, стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо — недосуг за этим ходить. Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах. Конница, руби! ..»

Атаки Суворов различает по их направлению: «в крыло, которое слабее», «в середину», т. е. фронтальная, и в тыл. Последняя предпочтительней всего.

Суворов приводит «три воинские искусства», к которым он относит глазомер, быстроту и натиск. Первое необходимо в бою, чтобы определить «как идти, где атаковать, гнать и бить». Быстрота достигается хорошей организацией походного марша, чтобы избежнуть переутомления людей. «Неприятель нас не чает, считает нас за 100 верст, а коли издалека, то в двух и трех стах и больше. Вдруг мы на него, как снег на

голову. Закружится у него голова. Атакуй, с чем пришел, с чем бог послал! Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай! Ура! Чудеса творят братцы!» Натиск довершает разгром врага. «Нога ногу подкрепляет, рука руку усиливает». «В окончательной победе, конница, гони, руби! Конница займется, пехота не отстанет. В двух шеренгах сила, в трех полторы силы: передняя рвет, вторая валит, третья довершает».

В «Науке побеждать» Суворов также высказывает требование применять боевые порядки в соответствии с обстановкой и свойствами противника. Он указывает, что в полевом бою следует воевать «линией против регулярных, карсиями против бусурманов... (французы) воюют на немцев и иных колоннами. Если бы нам случилось против них, то падобно нам бить колоннами же».

Весьма интересны те указания, которые Суворов посвятил поддержанию здоровья солдат. Эти указания сводятся к здоровой пище, личной чистоте и опрятности, правильному чередованию работы и отдыха. Кроме того, Суворов требовал непрестанной деятельности каждого в пределах его обязанностей и в этом видел залог поддержания духовных и физических сил.

Боевая подготовка войск, осуществленная на основе суворовской «Науки побеждать», обеспечивала им высокую боеспособность. Эта боеспособность опиралась на отличную для того времени выучку всему тому, что необходимо было знать и уметь на войне. Дивизии, прошедшие суворовскую школу воинского воспитания и обучения, становились первоклассными дивизиями. Начальствующий состав приобретал отличные навыки вождения войск на походе и в бою. Русская армия становилась самой передовой армией того времени.

* * *

*

«Наука побеждать» представляет собой замечательный памятник самобытного русского военного искусства, ярким представителем которого был Александр Васильевич Суворов.

Известно, что современники Суворова нередко жаловались на то, что он «воюет не по правилам».

«Маршал Суворов,— говорил Наполеон,— был одарен сильной волей, большой деятельностью и испреложной неустранимостью, но он не обладал ни гением, ни знанием военного искусства... Действовал без плана и расчета».

После поражения под Ланцкороной французский генерал Дюмурье стал утверждать, что Суворов не имеет никакого представления о военном деле. «Ему только с медведями воевать,— говорил он.— Бывало, займешь позицию, ждешь русских с фронта, а он появляется либо с тыла, либо бьет во фланг. Войска разбегались более от внезапности, нежели от поражения».

После итальянской кампании 1799 года австрийские генералы жаловались, что при сражениях на Треббии и у Нови «диспозиции Суворова не соответствовали правилам военного искусства».

На эти и многие другие упреки Суворов пасмешливо отвечал: «Что же делать, мы уж такие: без тактики и практики, а неприятеля бьем». А тем, кто приписывал его победы слепому счастью, он говорил: «Сегодня счастье, завтра счастье. Надобно же когда-нибудь и умение».

Суворовская «Наука побеждать» представляет собой убедительное доказательство глубокой правоты этих слов великого полководца.

Александр Васильевич Суворов был высокообразованным человеком своего времени. Он мог бегло говорить на 6 языках и имел поэтому возможность работать над трудами, которые не были в то время переведены на русский язык. Даже находясь в ссылке в селе Кончанском, Суворов продолжал выписывать журналы и газеты, много читал, следил внимательно за событиями в Западной Европе. Он один из первых обратил внимание на Наполеона и после его итальянского похода 1796—1797 гг. говорил: «Далеко шагает мальчик. Пора унять...»

Опираясь на глубокое понимание военного искусства своей эпохи, Александр Васильевич Суворов смело вносил новизну в военное дело, порывая с устаревшими нормами, ломал изжившие себя шаблоны. Шаблона для него вообще не существовало. Каждое новое сражение, в котором Суворов руководил войсками, дает яркий пример оригинального решения, с блестящим преломлением в нем накопленных знаний и опыта.

Вот эта замечательная черта полководческого таланта Суворова — постоянная настойчивая работа над самим собой в соединении с творческим нахождением новых путей развития военного искусства, со смелым, иногда дерзким, выдвижением совершенно оригинальных решений, передко приводили к тому, что современники не понимали Суворова. Находясь

сами в плену общепринятого шаблона, они обвиняли его в не-
знании элементарных основ военного искусства.

Нужно ли говорить о смехотворности подобных обвинений!

«Наука побеждать» — замечательное свидетельство воен-
ного гения русского народа, она служит ярким доказатель-
ством творческого полководческого пути, пройденного Але-
ксандром Васильевичем Суворовым, покрывшим славою своих
легендарных побед русское оружие.

* *

*

Изучение процесса развития военно-теоретической мысли
в прошлом и настоящем убедительно показывает нам неспо-
собность капиталистического общества на всех этапах его
развития применить научное исследование для изучения войн
и связанных с ними вопросов.

Оставаясь в плену у идеалистического мировоззрения, плутая среди метафизических и формалистических концепций буржуазной науки, военные деятели, полководцы и теоретики прошлого оказались не в состоянии найти научное объяснение войне и раскрыть лежащие в ее основе закономерности.

Это стало возможным только в условиях нашего социали-
стического государства, где уничтожены классы и покончено
навсегда с эксплуатацией человека человеком. Создание со-
ветской военной науки, которую мы, по праву, называем
сталинской военной наукой, по имени ее гениального творца —
товарища Сталина, впервые в истории человечества подвело
передовое научное обоснование под область военных знаний.

«Сталинская военная наука», — пишет К. Е. Ворошилов
в своей статье «Гениальный полководец Великой Отечествен-
ной войны», — базирующаяся на правильном понимании законов
общественного развития, родилась вместе с приходом к вла-
сти рабочего класса, развивалась и крепла на базе советского
государственного строя. Такие решающие элементы, как но-
вая социалистическая система общественного строя с плано-
вой экономикой, новыми производительными силами и про-
изводственными отношениями людей, с новой идеологией,
моралью, составляют основу, на которой поконится все здание
сталинской военной науки».

Товарищ Сталин построил величественное здание советской
военной науки, которая является военной наукой великой
эпохи победившего социализма, военной наукой эпохи построе-
ния коммунизма. Он гениально обосновал ее на самых пе-

редовых и единственно научных положениях марксистско-ленинского учения о развитии общества, отобразив в ней, тем самым, наше диалектико-материалистическое мировоззрение. Это было полным переворотом в тех взглядах на войну, на ее формы, тактику и стратегию, которые исповедовала до этого, а в значительной мере продолжает исповедовать и в настоящее время, буржуазная военная мысль, развивая наследие таких ее военных идеологов, как Клаузевиц, Мольтке, Шлиффен, Людендорф, Дуэ, Фуллер, Лидль-Гарт, Кейтель, и им подобных лжеавторитетов.

Величие товарища Сталина, как творца нашей советской военной науки, заключается в том, что он, обобщая опыт войны, впервые в истории создал военную науку, которая смело вышла из рамок военного искусства и тем самым порвала с традициями старой «классической» военной науки, охватывающей собой только вопросы тактики и стратегии. Товарищ Сталин создал военную науку, включающую в себя не только изучение способов ведения войны, т. е. военное искусство, но также знание и учет экономических и моральных возможностей как своей страны, так и стран противника.

Как известно, величайшего своего развития советская военная наука достигла в годы Великой Отечественной войны. Приказы и выступления товарища Сталина, включенные в книгу «О Великой Отечественной войне Советского Союза» представляют для нас неисчерпаемый источник для изучения сталинской военной науки.

В помещенных в ней приказах, докладах и выступлениях мы видим великую мудрость товарища Сталина, его величайшую прозорливость в мобилизации всех сил и средств нашего социалистического государства на разгром врага, в применении во время войны в каждый данный момент именно тех форм войны, которые соответствовали нашим силам и сложившимся условиям обстановки, в гениальном раскрытии движущих сил и основных факторов войны, их научном определении и затем мастерском использовании для достижения конечной победы.

Как уже сказано выше, военные теоретики и полководцы прошлого не допускали возможности подвести под военное искусство какое-либо строго научное обоснование. Действительная природа войн, закономерности их развития, оказывающие влияние на стратегию, тактику и оперативное искусство, оставались для них нераскрытыми.

Уже одно то, что на этот счет не было создано какой-либо научно обоснованной системы, являлось причиной того, что при ведении войн далеко не все постоянно действующие факторы использовались с нужной полнотой. Даже самые выдающиеся полководцы прошлого, не понимая истинной природы войны, оказывались не в состоянии применить надлежащим образом все возможности, которые раскрывает перед нами в настоящее время советская военная наука, которыми она вооружает начальствующий состав наших советских войск.

Александр Васильевич Суворов является одним из самых выдающихся полководцев прошлого. Он намного опережал современную ему эпоху. Его «Наука побеждать» представляет собой замечательный образец передового русского военного искусства того времени. Опираясь на те начала воспитания и обучения войск, которые в нем изложены, Суворов прошел славный полувековой полководческий путь, руководил десятками крупных сражений и не знал ни одного поражения. Энгельс заслуженно назвал Суворова «добрейшим авторитетом» и «архирусским генералом», указывая этим на то обстоятельство, что полководческий талант Суворова имел в своей основе, прежде всего, самобытное русское военное искусство.

Тем не менее, следует указать, что «Наука побеждать» Суворова, созданная им на базе накопленного огромного практического опыта, использует, главным образом, начала лишь некоторых из постоянно действующих факторов, решающих исход войны, и при том далеко не в одинаковой мере.

На первом месте в полководческой деятельности Суворова стоит такой постоянно действующий фактор, как моральный дух армии. Прусской школе воспитания солдата, сводившейся к изнуряющей муштровке и бесчеловечной палочной дисциплине, Суворов противопоставляет принципиально другую систему воспитания, основанную на заботливом и гуманном отношении к солдату, с развитием в нем сообразительности, бодрости, инициативы, собственного достоинства, отважности, готовности на подвиг для выполнения поставленной боевой задачи. Через всю «Науку побеждать» красной нитью проходит требование воспитывать солдата так, чтобы он верил в правоту своего дела, верил бы в свое оружие, его силу, и был уверен в себе. «На себя надежность,— не раз говорил Суворов,— основание храбрости».

Вместо забитого, лишившего всякой инициативы солдата наемно-вербовочных армий Западной Европы, Суворов воспи-

тывал в русском солдате сознательное выполнение поставленной задачи: «Каждый воин должен понимать свой маневр».

Среди солдат Суворов всячески развивал чувство товарищества и взаимной выручки, отлично понимая, что это еще больше повышает боеспособность войск. «Сам погибай, а товарища выручай». Идея взаимной выручки в опасности получила у Суворова развитие в его требовании тесного взаимодействия подразделений и целых частей в бою, если того требует боевая обстановка.

Суворов требовал от солдата гуманного отношения к местному населению: «Обывателям ни малейшей обиды, налоги и озлобления не чинить, война не на них, а на вооруженного неприятеля», — писал Суворов в приказе от 23 августа 1794 года. «Обывателя не обижай; он нас поит и кормит. Солдат не разбойник», — указывает Суворов в «Науке побеждать».

Легко попять, насколько русская армия, которая комплектовалась на основе рекрутских наборов и была, следовательно, национальной армией, стояла в моральном отношении выше армий Западной Европы, в рядах которых служили в значительном количестве авантюристы и всякого рода преступный и деклассированный элемент.

Укреплению высокого морального духа армии, кроме того, немало способствовало то обстоятельство, что Суворов всегда был очень близок к солдату. Простоту обращения он сочетал с сердечной задушевностью и отцовской заботой. Не случайно, на вопрос о том, в чем секрет его побед, Суворов, со свойственной ему лаконичностью и простотой, ответил: «Люби солдата, и он будет любить тебя. В этом вся тайна».

Войска верили своему славному полководцу и шли за ним на любые трудности. Воспоминания современников сохранили многие свидетельства того авторитета, которым пользовался Александр Васильевич Суворов среди войск. «Авось, бог даст, увидим родного нашего батюшку», — писал автор «Рассказов старого воина о Суворове». «Явись к нам отец и веди куда хочешь, куда велено. И все мы до последней капли крови гвои: не на живот, а на смерть».

В теснейшем взаимодействии с воспитанием войск находилась суворовская система их обучения. Это обеспечивало высокое качество боевой подготовки дивизий и армии в целом. В этой системе замечательна, прежде всего, методика обучения. Старший начальник обязывался обучать показом, сопровождаемым необходимыми объяснениями, и показывать при-

мер своим подчиненным. «Тщательно обучай подчиненных тебе солдат и подавай им пример», — писал Суворов в 1793 году. И он сам подавал тому первый пример. Уже будучи болен после швейцарского похода, он не раз говорил: «Ведь я солдат», а когда ему возражали: «Вы генералиссимус», он отвечал: «Правда, но солдат с меня пример берет». Как далеки были в своей бездарной кичливости Фридрих II и его неудачливые последователи от этих прогрессивных указаний Суворова!

Столь же достойно внимания то содержание, которое вкладывал Суворов в обучение войск. Он изгнал из обучения солдата плац-парадную муштру с ее шагистикой на прямых ногах (чтобы ноги не гнулись, под колени подвязывались лубки) и сложными ружейными приемами. Вместо того, он стал обучать солдат только тому, что надо на войне. Через всю «Науку побеждать» красной нитью проходит это требование, им пропитаны все полевые учения, все «Словесное поучение солдатам».

Величайшая активность, чуждая какого-либо шаблона, пронизывает все замечательные высказывания великого полководца, включенные в «Науку побеждать», и его приказы. «Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты удвоил шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него, как снег на голову; рази, тесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться; кто испуган, тот побежден вполовину; у страха глаза большие, один за десятерых покажется».

Такая боевая активность и широкое применение полевого маневра были под силу только войскам, отлично подготовленным для действий в боевой обстановке.

В горниле суворовской системы воспитания и обучения войск, в тесном взаимодействии с ней, формировался и закалялся также и начальствующий состав. Это была замечательная школа, из которой выросла целая плеяда полководцев и талантливых русских генералов — мастеров вождения войск. Среди них на первом месте стоит лучший ученик Суворова и его соратник Михаил Илларионович Кутузов, развивший и поднявший на еще более высокую ступень русское военное искусство, возглавивший русскую армию в 1812 году, организовавший разгром и уничтожение армии Наполеона. К ним же принадлежит бесстрашный в боях сподвижник Суворова, а позднее Кутузова, Петр Иванович Багратион, к ним же от-

носятся Милорадович, Ермолов и многие другие прошедшие с Суворовым трудный, но почетный и славный путь.

Таким образом, из сказанного видно, что Суворов широко использовал в своей практической деятельности в первую очередь начала таких постоянно действующих факторов, как моральный дух армии, качество дивизий, способности начальствующего состава. Как ярко свидетельствует о том «Наука побеждать», он всемерно укреплял и развивал эти начала в войсках и на этой основе добивался высокой их боеспособности. Из той же «Науки побеждать» можно видеть, что Суворов широко сочетал эти факторы с такими характерными для его полководческой деятельности приемами ведения боя как смелый, подчас дерзкий, полевой маневр и внезапность наисеяния удара с неудобной для противника стороны, чем опрокидывал «общепринятые» шаблоны линейной тактики и кордонной стратегии. Высокая боевая активность суворовских войск, инициативные действия солдат и офицеров, тесное взаимодействие в сражении частей и соединений и взаимная выручка — все это открывало путь к победе над противником, в рядах которого продолжали господствовать бездарное рутинерство и педантизм.

В подавляющем числе сражений Суворов имел гораздо меньше войск, чем его противники. Вооружение русских войск (особенно в отношении количества артиллерии) и их техническое оснащение оставляло желать много лучшего.

Будучи великим мастером мобилизации духовных и физических сил своих войск, владея с замечательным искусством приемами ведения боя и целых сражений, обладая исключительной остротой оценки обстановки и понимания слабых мест противника, Александр Васильевич Суворов, тем не менее, не смог в своей полководческой деятельности охватить с надлежащей полнотой все постоянно действующие факторы, решающие исход войны. Не владея методом материалистического научного исследования, будучи далек от понимания действительной социальной природы войны, Суворов обратил, прежде всего, внимание на то, что, как он знал из опыта, является самым главным — на человека, и сосредоточил свои силы на его воспитании и обучении. Это проходит красной нитью через «Полковое учреждение», через его позднейшие приказы, и находит яркое выражение в «Науке побеждать».

Только в условиях советского общественного и государственного строя, вооружившего нас диалектико-материалистическим пониманием законов общественного развития, на гра-

нитном фундаменте передового марксистско-ленинского учения, стала возможной всесторонняя, действительно научная, разработка вопросов военной науки и входящего в нее военного искусства.

Созданная товарищем Сталиным советская военная наука раскрыла для нашего военного искусства такие возможности, о которых не могло и мечтать ни одно капиталистическое государство. Весь грандиозный опыт Великой Отечественной войны является нам блестящее подтверждение гениальных, глубоко научных положений сталинской военной науки. Опираясь на монолитные основы советской военной науки, на укрепление и развитие сил и средств, в соответствии с положением товарища Сталина о постоянно действующих факторах, решающих исход войны, наша Советская Армия нарастила в ходе Великой Отечественной войны такие гигантские силы, каких не могла достигнуть ни одна капиталистическая армия.

«Из длительной и тяжелой войны,— указывал товарищ Сталин в своем приказе от 23 февраля 1946 года,— Красная Армия вышла первоклассной армией, с высокими морально-боевыми качествами, имеющей вполне современное вооружение, опытнейших и закаленных командиров».

Это содействовало мощному развитию и расцвету, под полководческим руководством товарища Сталина, советского военного искусства и нашей военной науки в целом. «Стратегия Советского Главнокомандования в период Великой Отечественной войны отличалась операциями невиданного размаха, исключительной целесустребленностью, тщательным и всесторонним обеспечением предпринимаемых операций, умением находить новые формы и способы борьбы с тем, чтобы они наиболее полно отвечали задуманным целям, сложившейся обстановке и были бы неожиданными для противника».¹

Товарищ Сталин явил нам замечательный образец не только гениального военного теоретика, но и полководца нового типа. Никогда ни один полководец прошлого не руководил такими многомиллионными массами войск, как это осуществил товарищ Сталин в годы Великой Отечественной войны, и никогда ни один из них не решал столь сложных и грандиозных задач, как это осуществил товарищ Сталин, опираясь на величайшие возможности нашего советского общественного и государственного строя.

¹ И. А. Булганин. «Тридцать лет Советских Вооруженных Сил».

Все это могло быть достигнуто только на основах советской военной науки, которая раскрывает перед нами широчайшие перспективы дальнейшего развития советского военного искусства.

Никогда не вставала перед нами с таким блеском великая животворящая сила идеи Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, воплощенных в непрерывно растущую мощь нашего социалистического общественного и государственного строя, в могущество нашего советского государства и его вооруженных сил, как теперь, когда мы движемся по пути к коммунизму, когда мы смотрим вперед в свете тех больших и ответственных задач, которые ставит перед нами партия Ленина — Сталина, к осуществлению которых нас ведет великий Сталин.

*Старым бумажным книгам —
Новую «электронную» жизнь!*

**DjVu – библиотека сайта
www.biografia.ru**

Редактор — *М. Н. Миловский*

М-12895, Подписано к печати 29/V-1950 г. Заказ 484. Тираж 30 000 экз.
Цена 75 коп. Объем 2¹/₄ п. л.

Типолитография «Молодая Гвардия»